

Соб. Ефимовича. - 1991. - 2 марта - с. 14

Однажды при мне чиновник из Министерства культуры Молдовы, ставя черточки на листе, насчитал в республике дюжину драматических театров. Потом взгляделся в тот листок и сам себя удивил:

— Неужели столько!

Удивление его понятно: афиша практически пуста. Впрочем, как и залы.

Ныне молдавский национальный театр как культурно-художественный феномен и процесс, можно твердо сказать, отсутствуют. Более того, он попросту разрушен. Разрушению способствовали, без сомнения, и объективные причины, общие для советской культуры в целом, — нищенские дотации, статус провинциальной золушки, которой хрустального башмачка не дожидаться, изгнание самокритичности из общественных реалий, порочная практика рапортовать по случаю и без случая и прочий букет окрестного для метрополии творческого бытия. Пора бы и признать, что синдром всеобщего разрушения в моей Молдове прежде всего проник на театральные подмостки, и это, увы, не исключало в наших зрительских, временами созерцательных умах и сердцах сопротивления.

Но существуют и собственные, местные причины кризиса. Любой из молдавских театров за добрый десяток лет сотрется изнутри своими нравственными, финансовыми и кадровыми миникатастрофами. Главное, что мертвит театр, так это мертвые спектакли. Не способствовали их реанимации и частые воляжи режиссеров по театральному незолотому кольцу Молдовы — из «Лучафэрул» в академический, из академического в имени А. Чохова, имени В. Александру... Сейчас в этот круг вошла и соседняя Румыния, которая охотно аплодирует в свои просторы и без того наши небогатые режиссерские кадры.

Особая сложность создается в нашем академическом, где ежегодная смена режиссеров не позволяла даже мечтать о какой-либо репертуарной политике, о внимании к актеру и

определении, если не стили, то хотя бы почерка. Разделение на группировки или интереса, годами не занятые ролями, многие актеры атянлись в тину «жакулисы». Был, правда, проблеск. В 1987 году при назначении очередного главы театра, казалось бы, актерский лассис в полсотни человек был

при поступлении в институт, конкурсу (стихи, басня, проза), не считаясь с возрастом и занятиями, создавалась студия из шести человек. Чем не движенье! Театр-студия в театре без театра...

К этому времени в республике четко вырисовывается линия националистского общества

исать лишь за Прутом — у румынского собрата. Да, конечно, общие истоки культуры, но где же собственное достоинство? А там времем неприкаянные актеры, румынские союзные аузов, разных лет, злополучные «дети Сталинского», адут и адут в Румынию, где сразу же, обра-

и заглядывает уже в минусовое пространство.

Что ему осталось сегодня! Приглашенные и гастролеры. Ион Унгуряну, объявивший «молдо-румынскую культурную федерацию», считает, что культурой двух государств по существу руководит одно министерство с двумя резиденция-

тить: под все подводится фундаментом «обновления», а оборачивается разрушением. Вот уехал в Румынию и Силиу Фусу, о котором не раз писал в «Советской культуре», становлению его театра газета помогла в самом начале пути. Театр оскорблен, окунался в выяснения отношений — кто есть кто. А это начало конца.

И как ни странно, на фоне упадка национального искусства молдавские русские театры выглядели совсем неплохо. Они оказались не только работоспособными, но жили по сей день полнокровной творческой жизнью. На потому ли, что их обделили излишним вниманием свыше! Это и Драмтеатр имени А. Чохова во главе с опять же уехавшим ныне в более северные края Модестом Абрамовым, и театр-студия «На улице Розы Юрия Хармелина, часто отмечавшего центральной прессой. Коллективы эти отошли от политиканства, что способствовало творчеству. Но и здесь нет зрителя, а погоня за ним ведет к введению в репертуар «кассовых» боевиков, что уже приелись всем.

Нет зрителя. Нет даже на спектаклях особого гражданского звучания, таких, как «Салка» А. Дударева, «Поминальная молитва», поставленная В. Маданом, стажером М. Захарова. Нет и на «банкроте», очень русским и очень Островским музыкале. Трудно стало сейчас и русским театрам в Молдове, трудно.

Кому отвечать за все это? Вопрос вопросов — займется ли Министерство культуры республики действительно национальной культурой, а не политическими играми? И сумеет ли интеллигенция республики отстоять, сохранить подлинные духовные ценности народа? Вопросы, вопросы... Надо отвечать, пока не закрылся окончательно занавес молдавского театра, пока жива надежда на добрые перемены на его сцене.

Елена МАЦИЕВСКИ,
театральный критик.
КИШИНЕВ.

ВКУСНЕЕ ЛИ ЯБЛОКИ ЗА ЗАБОРОМ?..

практически мобилизован в работу над «Прологом», спектаклем на национальную историческую тему о личности Николая Милеску Спфарии, книжнике-просветителе, учителе и дипломате эпохи Петра Первого. Пьеса, правда, недостаточно художественна, но работало все же всем вдохновенно. Но вот фатальное извращение: шло в мешке обозначилось в последний момент.

На фестивальной декаде национальной драматургии спектакль получает отрицательные оценки в прессе: быть может, справедливо по трактовке, но неверно по части творческих намерений. Не прощайте не только побед. Искусствоведческая оценка охотно подхватила внетеатральной оппозицией. «Слетела» голова не только главного, но и всего театра. Сперва имя Пушкина на фронте заменяется именем Эмнеску. Затем из академического театр, по сути уже не работающий, переименовывается в национальный. Дело, конечно, не в имени, а в стремлении кого-то закружить-закрутить и уронить. Отстраняли главного режиссера, актеров распустили с выходным пособием, а на ступени театра пошел в рост тополек.

После долгих мытарств лишь в конце декабря прошлого года через унизительный, как

ного движения с подавляющими тенденциями в шашбашной политике амбиций и сплошного дилетанства. И это охватило многих, если не все, сферы надстройкой. Лозунг все больше поднимал глубину провинциальности в образ.

Включился сюда и самобытный «Лучафэрул», театр новаторский, чье основополагающее ядро составили давным-давно щукинцы. Но и щукинское родство, видимо, подавляло: третий щукинский выпуск вернулся в родной дом уже ласковым. Попытка внести свою жеманную струю в дыхание театра разбилась о политику. Интересный спектакль «Годо» был засорен фронтдистскими лозунгами местного значения. «В Венеции все спокойно» (Драматург и режиссер дебютанты В. Бутнару и П. Буткареу) — интересная проблема нереализованной личности заполитизирована, отодвинулась на второстепенный план. «Носороги» повторяют шаги предыдущих творцов и не выдерживают эстетического анализа.

В угоду злободневности появлялось и собственное объяснение кризиса в театре. Русская школа, дескать, никак не соответствует природе молдавского актера, потому единственно истинным возрождением национального театра следует

тая сцену и уважение, прекрасно вписываются в театральные процессы, несмотря на свою «русскость». Молдова же теряет профессионалов.

Кстати, министр культуры и культуры Молдовы Ион Унгуряну, ряд лет успешно отработавший в Москве, в атмосфере все усиливающихся антирусских, антисоветских, антисоциалистических, антикоммунистических выступлений, уверяет, что именно русские погубили молдавский театр, и в частности, его детище «Лучафэрул» («Романия литературы», 1990, № 17). Жесткая филартерской теа-политики новых сил стали те немногие режиссеры — фундаменталисты, на которых худо-бедно держался десятилетиями молдавский театр. В самостоятельность ушел оригинальный, с индивидуальным голосом, лирический психологический план Андрей Бэлину. Илья Тодоров, обладатель не менее интересного комедийного таланта, нашел приют в России. Известный знаток творчества Друзэ Ион-Сандру Шкуря — в Румынии. Там же Ион Борейку, увезший с собой труппу. В политику отступили Андрей Партия и Ванямина Апостол. Отстранен от руководства Ангел Пылавару. Список можно продолжать. Не все примыки разозлены, но линия видна: театр Молдовы пришел к нулю

ми — в Бухаресте и Кишиневе. Пока политики решают, «объединяться, либо нет», тут все ясно. И нет даже голосов удивления. Чаще и чаще в Кишиневе приглашаются режиссеры из Румынии, но фураора, однако, их постановки в зале не вызывают. Разве таковое возрождение?

Гастролы, в основном румынских коллективов, где так много художественного постачушестского суррогата, ведут к бездумному разрушению своего, набравшего десятилетиями. Это ли новаторство, о котором говорил уважаемый Ион Унгуряну в газете «Тинерету молдовей» № 8—9 за 1991 год? Или просто «за забором яблоки вкуснее»?

Иные воспринимают гастролеры с восторгом. Помстие радостными были выступления Липецкого драматического. Театр высокого профессионализма приехал с тщательно продуманным репертуаром, а уехал с ощутимым денежным дефицитом: и зритель Молдовы уже стоит на пути лесуэвренного искусства.

Ну а каковы внутренние ресурсы молдавского театра? В музыкальном крае, без сомнения, еще богата традиция фольклорно-ритуального театра. Но и здесь прерывается творческий полет ряда мастеров. И некому за это отве-